

Эту женщину звали Ши Ханьшань. Она была самопровозглашенной любительницей традиционного искусства и культуры. В начале года, в марте, она с несколькими друзьями собрала свои сбережения и открыла Цзяньцзя Байлу как центр распространения своей любви к традиционному искусству.

Когда она рассказывала Минг Шу все это о себе, она говорила без особого энтузиазма и уверенности. Минг Шу сразу понял, что она не питает никакой настоящей "любви" к традиционным искусствам. Она просто хотела оседлать волну интереса к этому и заработать немного денег, пока есть возможность.

На самом деле в этом не было ничего плохого. Минг Шу пришел в Цзяньцзя Байлу не для того, чтобы критиковать качество их услуг.

— Как вы познакомились с Ша Чунь? — спросил Минг Шу. — Когда она начала здесь работать?

— Мы с друзьями решили, что наша мастерская будет посвящена гучжэну, потому что гучжэн — самый популярный традиционный инструмент в наши дни. Для большинства обычных людей гучжэн — самый привлекательный инструмент, — сказала Ши Ханьшань. — Для такой небольшой организации, как наша, нанять преподавателей несложно. А вот нанять настоящих профессионалов — это куда сложнее. Перед тем как мы открылись, я расспрашивала в консерватории и Ассоциации исполнительских искусств, но никто не захотел работать у нас. Мы также можем платить не так много.

— Позже, в апреле, наш бизнес начал развиваться. У нас было много людей, заинтересованных в изучении гучжэна, но все наши учителя были любителями. Они могли научить только основам. Я считал это неприемлемым. Мы рекламируем гучжэн как нашу специализацию, поэтому я была убеждена, что нам нужен профессионал для этих курсов.

— Значит, вы снова пошли в Ассоциацию исполнительских искусств? — спросил Минг Шу.

— Да, и на этот раз мне повезло. Я случайно встретила Ша Чунь, — сказала Ши Ханьшань. — Я сказала ей, что нам очень нужен профессиональный преподаватель гучжэна. Я сказала, что она может назвать свою цену, и пока мы можем себе это позволить, мы будем платить ей столько, сколько она скажет. Она согласилась без особых колебаний и не просила непомерной зарплаты. Она приходила два раза в неделю вечером, а дневные занятия вела раз в неделю — по субботам или воскресеньям, на ее выбор. Мне приходилось платить ей чуть меньше восьми тысяч юаней в месяц.

Внезапно Минг Шу спросил:

— Кто был тот господин, который только что преподавал каллиграфию в гостиниой?

Ши Ханьшань выглядела удивленной этим вопросом.

— Его зовут Линг Сючжи, он учится на втором курсе колледжа. А что именно вас интересует?

— Этот Лин Сючжи... он был особенно близок с Ша Чунь?

— Нет, совсем нет. Они с Ша Чунь не слишком совпадали в расписании занятий. Я не видела, чтобы они разговаривали друг с другом.

Минг Шу кивнул и сделал мысленную заметку проверить записи с камер наблюдения позже.

— Была ли Ша Чунь замешана в каких-либо необычных инцидентах, пока она здесь работала?

— Нет, она была вежлива и чрезвычайно профессиональна, — сказала Ши Ханьшань. — Она не только учила своих учеников. Иногда она помогала и другим нашим преподавателям гучжэна. Она всем нравилась.

Минг Шу погрузился в раздумья.

Если Ши Ханьшань говорила правду, то у Ша Чунь был совершенно разный опыт на основной и дополнительной работе.

Она нравилась коллегам из Цзяньцзя Байлу, а коллеги из Ассоциации исполнительских искусств смотрели на нее свысока.

Минг Шу мог догадаться о причине, исходя из того, что он знал. В Ассоциации исполнительских искусств Ша Чунь считалась относительно неквалифицированной. Но в Цзяньцзя Байлу она была самым квалифицированным и профессиональным учителем.

Можно сказать, что у Ша Чунь вообще не было друзей среди сверстников в Ассоциации исполнительских искусств. Там она жила под постоянным давлением. Но, возможно, в Цзяньцзя Байлу она нашла среду, где могла расслабиться.

Расслабившись, она могла завести друзей. И после длительного общения с этими более приятными коллегами у нее могло возникнуть чувство доверия и зависимости.

Перед тем как Ша Чунь была убита, она по собственной инициативе отправилась в Ассоциацию исполнительских искусств. Она не выглядела испуганной или встревоженной. Не было никаких признаков того, что ею манипулируют или контролируют.

Это означало, что она должна была знать человека, с которым встретилась в Ассоциации исполнительских искусств. Она должна была доверять ему. Она слушала его инструкции, избегая камер наблюдения и оплачивая проезд в такси наличными. Все, что она делала, помогало этому человеку сохранять анонимность.

— Мне нужен список учеников Ша Чунь, — сказал Минг Шу. — А также список остальных ваших сотрудников.

Ши Ханьшань была шокирована.

— Не может быть, чтобы кто-то из наших учителей причинил ей вред.

— Если вы не участвуете в этом деле, — сказал Минг Шу, — у вас нет возможности лично оправдать кого-то другого.

Группа технического расследования поспешила на место происшествия. Они достали записи камер наблюдения, а также списки учеников и коллег-преподавателей Ша Чунь.

Администратор, вероятно, была слишком невинна и наивна для своего собственного блага. Похоже, она все еще не понимала, что с Ша Чунь что-то случилось. Линг Сючжи, напротив, казалось, почувствовал, что что-то не так. Он то и дело украдкой поглядывал на техников-следователей, пока они работали.

Его неуловимые движения не ускользнули от внимания Минг Шу.

Вернувшись в Бюро, Минг Шу направился прямо в кабинет Сяо Юаня.

Сяо Юань передал ему обед в коробке, как только он пришел. Прежде чем Минг Шу успел заговорить, он посоветовал:

— Не торопись. Сначала поешь.

— Я не голоден, — утверждал Минг Шу, хотя во время разговора он все еще открывал крышку контейнера с едой на вынос.

Он провел все утро, бегая без остановки, посетив три разных места. Так что дело было не в том, что он не хотел есть. Просто он был настолько голоден, что уже почти не чувствовал голода.

Раньше, когда он впадал в такое состояние, он постоянно забывал поесть. Ему не хватало сил на то, чтобы нормально поесть, поэтому если он и ел, то только хлеб. Но теперь Сяо Юань был здесь. Если Минг Шу не заботился о своем теле, Сяо Юань заставит его позаботиться о себе.

— Ай, как будто за мной присматривает ворчливый родитель, — пробормотал Минг Шу, поднимая палочками кусок рыбы.

Его обед состоял из трех блюд и порции риса. Он явно был заказан в хорошем ресторане.

— Не "как", — поправил Сяо Юань.

Минг Шу поднял голову.

— Конечно, конечно, конечно. Ты мой родитель.

Он быстро поел. Выбрасывая пустую коробку в коридоре, Минг Шу увидел себя в зеркале и увидел, что его лицо немного испачкано. Он поспешно бросился умываться. Вода стекала по его шее, намочив воротник и переднюю часть рубашки.

Сяо Юань передала ему полотенце, когда он вернулся.

— Что ты нашел?

Минг Шу бегло вытер грудь, затем накинул полотенце на плечи.

— Слишком много улик и подозрительных деталей. Мне нужно упорядочить свои мысли.

— Не торопись, — сказал Сяо Юань. — Разбери то, что ты узнал, по одной вещи за раз. Я уже получил краткое описание вашего расследования. Это правда, что решение Ша Чунь пойти в Ассоциацию исполнительских искусств в субботу вечером и войти через заброшенную дверь на западе было странным.

— Верно. На обратном пути я все время спрашивал себя, зачем она это сделала? — сказал Минг Шу. — Первая возможность — убийца проинструктировал ее действовать таким образом. И убийца был тем, кому она доверяла. В противном случае женщина не пошла бы в такое опасное место одна, посреди ночи.

— В таком случае, возникает вопрос... кому она доверяла? Как этот человек убедил Ша Чунь прислушаться к своим требованиям? Если эта теория подтвердится, то вероятность того, что убийца был из Ассоциации исполнительских искусств, невелика. Скорее всего, Ша Чунь встретила этого человека где-то еще, например...

— Ты упускаешь одну возможность, — прервал его Сяо Юань.

— Какую возможность?

— Этот человек не обязательно должен быть тем, кому Ша Чунь доверяла, — сказал Сяо Юань.

Минг Шу нахмурился и задумался.

— Они могли использовать музыку, чтобы "обмануть" Ша Чунь?

— Именно так.

Сяо Юань взял свой планшет и загрузил запись допроса Юн Хуань.

— Мать Ша Чунь сказала, что та была "бездарной" с самого детства. Ша Чунь работала над достижением успеха так, будто от этого зависела ее жизнь, и это была ее самая выдающаяся черта. Ша Чунь превыше всего ценила прогресс и совершенствование. Представь себе это на мгновение. Допустим, один из коллег Ша Чунь спросил ее, есть ли у нее свободное время в субботу вечером. Допустим, они попросили попрактиковаться с ней в новой аранжировке. Как ты думаешь, что бы ответила Ша Чунь?

— Ты имеешь в виду, что убийца Ша Чунь — Цюй Син, Сунь Цзин или Лу Хуэй? Один из этих троих? — спросил Минг Шу. — Если исключить людей из команды логистики, то эти трое — единственные, у кого нет алиби.

— Я просто предлагаю возможность, которая соответствует твоему образу мыслей, — сказал Сяо Юань. — Ты был почти готов исключить всех членов Ассоциации исполнительских искусств из числа подозреваемых.

— Мы только что получили информацию от технических следователей, что Лу Хуэй после концерта в субботу вечером пошел в бар с друзьями. Есть достаточно записей с камер наблюдения, чтобы доказать это, так что у Лу Хуэя есть алиби. Что касается Цюй Синь и Сунь Цзин, то они оба сказали, что устали после концерта и сразу пошли домой. Но пока нет никого, кто мог бы подтвердить их слова.

Минг Шу мгновенно поднял свои файлы на Цюй Синя и Сунь Цзин.

Цюй Синь. Мужчина. Тридцать три года. Играет на пипе.

Сунь Цзин. Женщина. Двадцать девять лет. Играет на гучжэне.

Сунь Цзин и Ша Чунь в основном играли на гучжэне. На любом рабочем месте коллеги, выполняющие одну и ту же роль, часто сравнивались друг с другом. Нередко они соперничали друг с другом.

В отделе традиционных инструментов Сунь Цзин тоже не считался исключительно талантливой в игре на гучжэне. В их ансамбле талантливым гучженщиком был только Фу Чжэн, у которого, правда, было алиби на время убийства.

По сравнению с Ша Чунь, Сун Цзин была гораздо более пластичной. Она гораздо лучше вписалась в группу. Когда Ран Хэ высмеивал Ша Чунь, Сун Цзин присоединялась к нему с несколькими злобными словами согласия.

А вот Цюй Синь был совсем другим.

Цзи Юэ сказал, что ассоциация иногда нанимает "выдающихся" кандидатов с хорошими рекомендациями. Цюй Синь был одним из таких кандидатов. Он был самым талантливым музыкантом в отделе народных инструментов.

— У Цю Сина и Сунь Цзин есть возможные мотивы, — сказал Сяо Юань, раскрывая блокнот. На страницах было нацарапано несколько слов, но большую часть пространства занимали наброски. — Во время последней встречи вы предположили, что убийца мог позавидовать трудолюбию Ша Чунь. Возможно, убийца хотел быть таким же старательным, как Ша Чунь, но не смог достичь ее уровня. Возможно, он боялся, что Ша Чунь оставит его в пыли.

— Сунь Цзин подходит на роль такого убийцы. Они с Ша Чунь обе играли на гучжэне. Чем лучше становилась Ша Чунь, тем хуже казалась Сунь Цзин. Сун Цзин ненавидела Ша Чунь, а когда та стала более искусной благодаря своему трудолюбию и усердию, ненависть Сун Цзин вышла из-под контроля.

Минг Шу издали изучал тетрадь Сяо Юаня.

Он знал эту тетрадь.

Когда Сяо Юань обдумывал дело, он мог закинуть широкую сеть и сосредоточиться на важных деталях. Это было умение вести расследование, которое могло быть выработано только благодаря опыту и природному таланту. Он "заносил" свои мысли в блокнот и всегда носил его с собой. Этой привычке Минг Шу научился у Сяо Юаня.

— Теперь давай посмотрим на Цюй Синя, — продолжал Сяо Юань. — Цюй Синь не может завидовать Ша Чунь, но он может питать еще более извращенную ненависть. Нет сомнений, что он — вундеркинд, когда дело касается пипы. Вундеркинд, который смотрит свысока на обычного человека, может быть движим одним из двух чувств — жалостью или презрением. Цюй Синь мог жалеть Ша Чунь, а мог презирать за то, что такой бездарный человек, как она, играет на гучжэне, оскверняя его любимую музыку.

— Отрубить ей руки... — Минг Шу на мгновение задумался. — Они оба могли быть движимы желанием отнять у нее руки. Одна, чтобы не дать ей больше заниматься, а другой, чтобы не дать ей "осквернить" гучжэн.

— Но с практической точки зрения, между ними двумя, гораздо более вероятно, что Цюй Синь был преступником. Я уже упоминал об этом ранее — возможность того, что убийца выманил Ша Чунь посреди ночи с помощью музыки. Цюй Синь обладает такой силой, — сказал Сяо

Юань. — Я просмотрел все записи допросов людей из ассоциации. Не один человек упоминал, что Цюй Синь высокомерен и порой непредсказуем. Иногда он мягкий, а иногда злой.

— Но поскольку у него "выдающийся" талант, и поскольку он всегда был профессионалом, никто никогда не выражал недовольства в его адрес. Если бы Ша Чунь получила от него приглашение встретиться, я подозреваю, что она бы не упустила такой шанс. Она бы не только пошла, но и сделала бы все, что он попросил.

— На телефоне Ша Чунь или в ее интернет-записях не было обнаружено никаких подозрительных сообщений, — сказал Минг Шу. — Это значит, что убийца должен был поговорить с ней лично. У Цюй Синя была возможность поговорить с ней с глазу на глаз. К тому же, выйдя из театра Цзяньнань, Ша Чунь задержалась почти на час, прежде чем села в такси.

— Раньше я просто не мог понять, почему она так долго задерживается. Даже если бы она хотела избежать попадания в поле зрения камер наблюдения, ей бы не потребовалось столько времени, чтобы найти такси. Но если она следовала инструкциям Цюй Синя, тогда все было бы логично — Цюй Синь был на представлении в субботу вечером. В 10:17 Цюй Синь и еще три человека вместе вышли из театра Цзяньнань. Они были первой группой после Ша Чунь и шли тем же маршрутом. Цю Син не мог допустить, чтобы Ша Чунь прибыла в Ассоциацию исполнительских искусств раньше него, поэтому он заставил ее ждать!

— Мм. — Сяо Юань кивнул. — Цюй Син подходит под одну идею нашего убийцы, но он не единственный подозреваемый. Только что вы сказали, что убийца, вероятно, тот, кому Ша Чунь доверяет. Кто-то, с кем она готова встретиться поздно ночью. Это тот, кого она встретила в Цзяньцзя Байлу, верно?

Минг Шу поспешил вернуться к теме своих теорий.

— Для Ша Чунь в Цзяньцзя Байлу была гораздо лучшая атмосфера, чем в Ассоциации исполнительских искусств. Она была их основным учителем гучжэна, и за месяц работы на полставки зарабатывала меньше восьми тысяч юаней. Для ее профессии эта сумма находится в среднем и нижнем диапазоне того, на что она должна рассчитывать. Но Ша Чунь была готова продолжать работать там. Давление ипотеки могло быть одной из причин, но я подозреваю, что она оставалась там еще и потому, что ей там было комфортно.

— Скорее всего, мы можем считать ипотеку второстепенной причиной, — сказал Сяо Юань. — Если бы она действительно отчаянно пыталась свести концы с концами, она могла бы назвать более высокую цену.

— Я тоже так подумал, — согласился Минг Шу. — Мы должны проверить всех в Цзяньцзя Байлу, кто был в контакте с Ша Чунь. Я подозреваю, что убийца вполне мог быть одним из ее учеников. Там также есть учитель каллиграфии по имени Линг Сючжи, чья реакция на наше присутствие была странной. Когда я упомянул Ша Чунь, он замер.

— Хорошо. Это сужает круг наших поисков. — Сяо Юань кивнул Минг Шу. — Это была твоя первая теория. Какова вторая?

Минг Шу на мгновение замолчал, затем покачал головой.

— Вторая — немного натянутая, и я уже нашел некоторые доказательства, которые ее опровергают.

— Ты считаешь, — подсказал Сяо Юань, — что Ша Чунь и была тем, кто организовал ее "убийство". А убийца был лишь инструментом в ее самоубийстве?

Минг Шу глубоко вздохнул.

— Ша Чунь тянула время, обошла все камеры наблюдения на своем пути, вошла через пустынную западную часть здания... когда я принимаю во внимание все ее действия, я не могу не задаться вопросом. Плюс, Ге, есть одна крайне субъективная деталь, о которой я еще никому не рассказывал — в субботу, во время выступления, Ша Чунь все время удерживала мое внимание. Я почувствовал от нее какую-то печаль. Теперь, когда я вспоминаю об этом, я задаюсь вопросом, не была ли эта печаль вызвана осознанием того, что она умрет в ближайшем будущем? Может быть, она не могла не чувствовать печаль и страх?

— Это небезосновательно, — сказал Сяо Юань. Он встал и взял отчет о вскрытии Ша Чунь. — Во время вашей вчерашней встречи Син Му затронул эту тему, не так ли? Ша Чунь не сопротивлялась, прежде чем включились инстинкты самосохранения. Только после нападения она начала сопротивляться. Если бы она планировала свою смерть, то не стала бы сопротивляться, когда ее душили. Ее инстинкты заставили бы ее рефлекторно сопротивляться только тогда, когда она уже была близка к смерти.

— Я также подумал о возможных причинах ее самоубийства, — сказал Минг Шу. — Возможно, после того, как Ша Чунь всю жизнь неустанно трудилась, ей пришлось смириться с тем, что она посредственность. Для амбициозного человека, который так много работал, такое осознание может быть разрушительным. Даже смертельным. А квартира Ша Чунь совсем не похожа на уютный дом. У нее есть только несколько шкафов. В гостиной нет ни дивана, ни телевизора, ни журнального столика. Ничего из того, что есть в обычном доме. Все деньги она потратила на свой тренировочный зал. Прошло три года с тех пор, как она переехала в это место, и именно три года назад она начала загружать видео со своей музыкой в интернет.

Хотя Сяо Юань еще не был в квартире Ша Чунь, он уже посмотрел эти видео.

— В настоящее время технические следователи изучают действия Ша Чунь в Интернете, — продолжил Минг Шу. — Пока что они не нашли никаких доказательств того, что она с кем-то ссорилась раньше. Кроме просмотра некоторых сайтов, связанных с музыкой, она использовала интернет только для загрузки собственных видео. Зачем Ша Чунь загрузила все эти видео? Что она ожидала получить? Сейчас у нас нет возможности задать ей эти вопросы. Но если рассматривать обычного человека, то он точно не стал бы усердно загружать столько видео

только ради самоудовлетворения. Такие люди, должно быть, ищут одобрения своих зрителей.

— Если она получит одобрение в Интернете, то сможет компенсировать отсутствие поддержки со стороны коллег в реальной жизни, — размышлял Сяо Юань. Он вздохнул. — Но даже в Интернете ее усердие не вызвало аплодисментов.

— Вот почему я думаю, что Ша Чунь могла впасть в состояние полного отчаяния. Она постепенно поняла, что ее усилия напрасны. Талант уже давно определил ход ее жизни. Минг Шу провел руками по лицу, а затем продолжил: — Но потом я подумал, что в этом нет никакого смысла. Где у Ша Чунь не было кровати в ее комнате. У нее была палатка, которая была тщательно украшена. Это говорит о том, что она была чувствительным, романтичным человеком. А перед смертью Ша Чунь пошла и купила молоко и йогурт. Мы нашли их в ее холодильнике. Если учесть все эти факты, она совсем не похожа на человека, который намеревался расстаться с жизнью.

— А что, если она сделала это специально? — спросил Сяо Юань.

Минг Шу замер.

— Что?

— Романтическая натура и склонность к самоубийству не исключают друг друга, — сказал Сяо Юань. — Люди с сильными романтическими наклонностями часто не могут принять жестокую, суровую реальность. Поэтому мы можем пока оставить в стороне вопрос о палатке. Ты действительно обнаружил в ее холодильнике молоко и йогурт, но только ли молоко и йогурт ты обнаружил в ее холодильнике?

Зрачки Минг Шу внезапно уменьшились.

В холодильнике были не только молоко и йогурт. Там также были яблоки, сидр и косметика.

У всего содержимого была одна общая черта — оно не портилось за короткий промежуток времени.

— Я видел фотографии. Срок годности молока — двадцать семь дней, а йогурта — пятнадцать, — сказал Сяо Юань. — То есть они не испортились бы слишком быстро. Сидр и косметика также могут храниться в холодильнике год и более, не портясь. Что касается яблок, то это один из самых простых фруктов, которые можно хранить долгое время. Они не начнут портиться по крайней мере в течение 10-15 дней.

— Потребовалось бы не менее десяти дней, чтобы все эти вещи начали издавать неприятный запах! — воскликнул Минг Шу, внезапно собрав все воедино. — Ша Чунь использовала эти вещи, чтобы придать себе вид человека, довольного своей жизнью. Скорее всего, ее тело было

бы обнаружено до истечения десяти дней, поэтому полиция обыскала бы ее квартиру и нашла эти "доказательства" ее воли к жизни.

— Она не хотела, чтобы ее дом источал мерзкую вонь при обыске, поэтому она решила заполнить холодильник продуктами с длительным сроком хранения. Она избегала летних фруктов, которые легко гниют. Виноград, персики, арбуз...

— Если бы она планировала замаскировать свое самоубийство под убийство, она, естественно, постаралась бы, чтобы это была надежная маскировка. Она бы хотела убедиться, что мы не поставим под сомнение ее желание жить дальше, — сказал Сяо Юань. Затем, слегка изменив голос, он задумался: — Но кто мог помочь ей в ее самоубийстве?

<http://bllate.org/book/14859/1321915>